

в самом положении наших учителей и в степени их подготовленности к своему делу» [3, т. 2, с. 376].

Так вновь, казалось бы, третьестепенный вопрос об оценке заурядного семинарского «Руководства по словесности» перерастал в трактовку Добролюбова в острую общественную проблему, в критику положения учителей в самодержавной России.

Эклектицизм и невежество, догматизм и реакционные семинарские понятия были в руках царских чиновников средством идеологического порабощения учащейся молодежи. Поэтому Добролюбов не оставлял без внимания подобные проявления консервативных взглядов, разоблачал их фактическую несостоятельность и полную методологическую порочность. В этом — значение рассмотренных работ 1857—1858 гг., сыгравших большую роль в борьбе Добролюбова за новые научно-теоретические истины.

Таким образом, уже в те годы критика-демократа Н. А. Добролюбова глубоко волновали судьбы русской науки, не покидали заботы о формировании нового поколения в изучении истории отечественной литературы, поколения, которое он стремился вооружить прогрессивными методологическими принципами.

Л и т е р а т у р а

1. Бурсов Б. Вопросы реализма в эстетике революционных демократов. М., ГИХЛ, 1953.
2. Н. А. Добролюбов — критик и историк русской литературы. Сб. статей. Изд-во Ленинград. ун-та, 1963.
3. Добролюбов Н. А. Собр. соч. В 9-ти т. М.—Л., ГИХЛ, 1961—1964.
4. История русской критики. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1958.
5. Караганов А. Чернышевский и Добролюбов о реализме. М., «Советский писатель», 1955.
6. Кружков В. Мировоззрение Н. А. Добролюбова. М., Госполитиздат, 1950.

*Кафедра русской и зарубежной литературы
Симферопольского университета*

Г. А. Васильева

Пометки В. Г. Короленко на страницах Дневника А. И. Герцена

Имя А. И. Герцена в сочинениях В. Г. Короленко встречается редко. В «Истории моего современника», рассказывая о воздействии художественной литературы на молодежь его поколения, Короленко называет Белинского, Гоголя, Тургенева, Некрасова, Добролюбова, Достоевского, Гончарова, даже Златовратского,

но не Герцена. Имя Герцена лишь однажды мимоходом упомянуто в связи с историей Баллода [5, т. 7, с. 326], инициатора выступления Писарева против Шедо-Ферроти в защиту Герцена. Короленко посвящает статьи Л. Толстому и Чехову, пишет о Гоголе, Белинском, Чернышевском, Щедрина, Гончарове, Гаршине, Гл. Успенском, но не о Герцене. В статье «Стереотипное в жизни русского писателя» он лишь вспоминает вятскую ссылку Герцена как пример постоянных гонений русских литераторов царским самодержавием [5, т. 8, с. 341].

Не уделяют внимания связям Короленко с Герценом и исследователи. Так, Г. А. Бялый в монографии, наиболее значительной в короленковедении, при выяснении «главных источников художественного метода Короленко» обращается к вопросам «Короленко и Тургенев», «Короленко и Некрасов», «Короленко и Щедрина», «Короленко и Гл. Успенский». Он видит предшественников Короленко и по линии «периферийных течений» — традиции этнографической школы, связанной с именами П. Якушкина, С. Максимова, П. Мельникова-Печерского [1]. Не изучаются только связи писателя с Герценом.

Между тем еще А. Б. Дерман заметил близость «Истории моего современника» к «Былому и думам» и высказал мнение, что «История моего современника» — отход от пафоса «Детства» и «Отрочества» к пафосу «Былого и дум» [3, т. 3—4]. С этого времени книга Короленко постоянно включается в русло знаменитых мемуаров Герцена в курсах истории русской литературы XIX в. [4, с. 561; 6, с. 164], хотя ни объяснения этого факта, ни характеристики того, что сближает эти произведения, в короленковедении пока нет*.

Очевидно, что для установления характера связей «Истории моего современника» с традициями «Былого и дум», произведения, сыгравшего огромную и все еще недостаточно изученную роль в развитии русской литературы, очень важно ответить на вопрос об отношении Короленко к Герцену.

Потребность эта все острее ощущается в последнее время исследователями творчества Короленко. «Можно предполагать, что Короленко был знаком с книгой Герцена «О развитии революционных идей в России», — пишет В. А. Фабианская в обстоятельной работе «А. С. Пушкин в кругу литературных и общественных интересов В. Г. Короленко» [8, с. 25]. И хотя мы не располагаем данными, подтверждающими, что Короленко читал именно эту книгу Герцена, его интерес к герценовским произведениям несомненен.

Знакомство с фондами личной библиотеки В. Г. Короленко в Полтавском литературно-мемориальном музее позволило ус-

* Лишь автор единственной монографии об «Истории моего современника» А. И. Сторожев (Минск, Госиздат БССР, 1953, с. 168—171) попытался провести сопоставление «Былого и дум» и «Истории моего современника», но ограничился общими поверхностными замечаниями.

тановить, что Короленко был внимательным читателем Дневника Герцена в Женевском издании 1875 года. На страницах книги «Сочинения А. И. Герцена с предисловием...» [7] Короленко оставил более сорока пометок. Это подчеркивания в Дневнике ряда положений в тексте, пометки на полях, нотабене «NB», иногда словесные замечания*.

Заинтересовавший Короленко герценовский Дневник охватывает 1842—1845 годы. Он начат в новгородской ссылке и продолжен в Москве и Покровском, где Герцен проводил летние месяцы. Дневниковые записи отражают жажду широкой общественной деятельности, томление от вынужденного бездействия. Здесь запечатлены раздумья о судьбах народа, суждения о друзьях и врагах, об идейных спорах и участии в них Герцена, о круге его чтения и литературной работе и, наконец, о его семейной жизни и отношениях с женой.

В «Былом и думах» Герцен так характеризует этот Дневник: «Правда того времени так, как она тогда понималась, без искусственной перспективы, которую дает даль, без охлаждения временем, без исправленного освещения лучами, проходящими через ряды других событий, сохранилась в записной книге того времени <...>. Книга эта уцелела» [2, т. 9, т. 93].

К сожалению, можно лишь предположительно установить время, когда Короленко делал свои заметки. Видимо, они относятся к периоду между 1885 и 1905 годами. Первые книжные приобретения Короленко из библиотеки, хранящейся в Полтавском музее, относятся ко времени его жизни в Нижнем Новгороде, то есть сделаны не ранее 1885 года. В 1905 г. в России появились сочинения Герцена, изданные Ф. Павленковым. Есть основания полагать, что после 1905 г. Короленко обратился бы не к женевскому, а к более доступному в России павленковскому изданию.

Пометки Короленко целенаправленны и свидетельствуют о его особом подходе к герценовскому Дневнику.

Больше всего внимание Короленко привлекают размышления Герцена о народе, о положении крестьян, о крестьянских бунтах. Ни одна из записей такого содержания в тексте Дневника не остается без внимания Короленко. Подчеркнута и отмечена на полях нотабене «NB» отчетливо сформулированная Герценом мысль «Низшие классы ужасно оклеветаны» [2, т. 2, с. 286], явившаяся результатом общения Герцена с крестьянами в Покровском. Вслед за этими словами идет гневное обращение Герцена к помещикам: «Горе людям, пользующимся властью, чтобы еще более втоптывать в грязь народ, и стыд им за клевету подлую и низкую на них — они клеветуют, чтобы оправдаться».

* Несомненно, пометки в тексте принадлежат В. Г. Короленко. Словесные замечания — автограф писателя. В инвентарной книге, составленной С. В. Короленко, где том Герцена записан под номером 1067, специально указано, что пометки сделаны рукой В. Г. Короленко.

Короленко внимательно читал размышления Герцена о путях освобождения крестьян и подчеркнул изложенные Герценом мысли о том, что индивидуальное освобождение крестьян и с землею и без земли не будет полезно, так как противопоставит «единичную, слабую» крестьянскую семью «всем страшным притеснениям земской полиции» [2, т. 2, с. 281]. Писатель повсюду в герценовском тексте подчеркивал то, что сказано о крестьянской общине. На полях Дневника рукой Короленко написано: «Община». Короленко интересовался суждениями Герцена по поводу толков славянофилов об общинном начале. Им отмечены слова: «Все это хорошие зародыши, и долею они основаны на неразвитости. Так, у бедуинов право собственности не имеет эгоистического характера европейского; но они забывают, с другой стороны, отсутствие всякого уважения к себе, глупую выносливость всяких притеснений, словом, возможность жить при таком порядке дел. Мудрено ли, что у нашего крестьянина не развилось право собственности в смысле личного владения, когда его полоса не его полоса, когда даже его жена, дочь, сын — не его? Какая собственность у раба...» [2, т. 2, с. 288].

В «Былом и думам» Герцен разовьет эти мысли и выразит их точнее. А 30-я глава четвертой книги «Былого и дум» — «Не наши» — четко разграничит содержание, которое вкладывается в понятие общины славянофилами, и то, как представляется «храмина нашего будущего свободно-общинного быта» Герцену [2, т. 9, с. 149].

Пометки Короленко дают возможность проследить нарастание у Герцена революционных идей, формирующихся под воздействием роста народного протеста. В последней записи Дневника от 24 декабря 1843 г. Короленко двумя чертами на полях и подчеркиванием в тексте выделил такую мысль: «Кто-нибудь должен проснуться — или правительство, или народ» [2, т. 2, с. 322]. Этот вывод следует за двумя описанными в Дневнике историями. Первая охарактеризована Герценом как крайняя степень «безумия и опьянения власти»: «В Вятской губернии в Нолинском уезде крестьяне за слушание чиновников палаты государственных имуществ были усмиряемы губернатором вооруженной рукой». Вторая история произошла в 1842 г. в Казани, где «выведенные из себя крестьяне взбунтовались и были усмиряемы пулями и тесаками» [2, т. 2, с. 322].

Короленко отметил герценовскую констатацию: «Оппозиционный растет» [2, т. 2, с. 335]. И уже на следующих страницах рукой Короленко на полях Дневника написано «Бунт крестьян» и отчеркнуты рассказ Герцена о возмущении крестьян в Тамбовской губернии [2, т. 2, с. 349] и сообщение о волнениях крепостных рабочих на Лепешкинской фабрике летом 1844 года [2, т. 2, с. 380].

Параллельно с все учащающимися записями о крестьянских бунтах Короленко отмечал зафиксированные Герценом

факты издевательств над крестьянами и преступлений помещичьей власти: крестьянин умер под розгами, а «Курская уголовная палата не признала помещика виновным» [2, т. 2, с. 359].

Высказанные в Дневнике Герцена и обратившие на себя внимание Короленко мысли о народе заняли ведущее место в «Былом и думах». Здесь этот материал художественно усовершенствован писателем. Так, постоянно встречающиеся на разных страницах Дневника сведения о зверствах крепостников и вызванных ими протестах крестьян сосредоточены в 27-й главе четвертой книги. Факты дополнены новыми, приведены точные описания происшествий, указаны фамилии. Обобщающий характер описанному придает включенная в эту главу история дикой расправы с взбунтовавшимися крестьянами Аракчеева, «о которой с ужасом до сих пор, то есть через 17 лет, говорят чиновники и жители Новгорода» [2, т. 10, с. 88].

В «Былом и думах» не мог не отразиться приобретенный Герценом опыт, проявившийся и в тех выводах, которые сделаны на материале прежних, в том числе и дневниковых, наблюдений: «Европа показала удивительную неспособность к социальному перевороту. Мы думаем, что Россия не так неспособна к нему, и на этом сходимся с славянами. На этом основана наша вера в ее будущее. Вера, которую я проповедовал с конца 1848 года» [2, т. 9, с. 151]. Истоки такого понимания русской действительности содержатся в записях, заинтересовавших Короленко.

Вторая тема, на которой сосредоточил внимание Короленко, — идейная борьба эпохи, стремление Герцена определить место писателя в этой борьбе и понять историческую роль своего поколения. Герцен жаждет полезной общественной деятельности. Короленко подчеркивает такие его слова: «Во мне бродит какая-то неупотребленная масса возможностей, которая, не находя истока, поднимает со дна души всякую дрянь, мелочи, нечистые страсти». И несколько ниже: «Моя натура по превосходству социальная. Я назначен, собственно, для трибуны, форума, так, как рыба для воды» [2, т. 2, с. 213].

И на полях, и в тексте Короленко выделяет вывод Герцена, родившийся в разговорах и спорах с друзьями: «Наше состояние безвыходно, потому что ложно, потому что историческая логика указывает, что мы вне народных потребностей и наше дело — отчаянное страдание. Страдание бессимпатичное, не оцениваемое и, конечно, полезное для будущего, но нам не дающее никакого личного вознаграждения». И еще дополнительно Короленко подчеркивает: «Жить отвлеченной идеей самопожертвования неестественно» [2, т. 2, с. 278].

Одно из важнейших положений Герцена, сформулированное им в Дневнике и обратившее на себя внимание Короленко, выглядит так: «Истинно полного слития государства с народом никогда не было; народ спокойно, покорно, но безучастно

прозябал в своих деревнях, будто ожидая чего-то» [2, т. 2, с. 334].

Дословно в «Былое и думы» включил Герцен следующую свою дневниковую запись, привлекая внимание Короленко: «Поймут ли, оценят ли грядущие люди весь ужас, всю трагедию нашего существования, — а между тем наши страдания — почка, из которой разовьется их счастье». Короленко отметил и такие слова: «Отчего же руки не поднимаются на большой труд? Отчего в минуту восторга не забываем тоски?... О, пусть, они останутся с мыслью и с грустью перед камнями, под которыми мы уснем, мы заслужили их грусть» [2, т. 2, с. 226—227].

Спустя полтора года после приведенной выше дневниковой записи Герцен снова возвратился к этому вопросу. Это вновь привлекло внимание Короленко, который обратил внимание на слова Герцена о росте оппозиционности: «Все боятся и все говорят <...>, но я полагаю, что для настоящего поколения только и будут одни слезы и плаха, теперь всего боящееся правительство вместе с увеличением трусости увеличит страшные меры» [2, т. 2, с. 335]. Двумя линиями на полях отмечает Короленко высокую оценку Герценом возможностей и роли публицистики и особо подчеркивает: «Множество людей представляет не арифметическую сумму сил их, а несравненно сильнейшую мощь, происходящую от поглощения их воедино — каждый сильнее всего мощью всех» [2, т. 2, с. 321]. В этих словах заключен как бы результат поисков Герцена, быть может, еще не до конца осознанный им самим, но обративший пристальное внимание Короленко.

Публицистическая деятельность, содействие пробуждению общественного сознания — вот один из возможных путей служения народу. И Короленко, всем образом своей жизни и деятельности показавший, как высоко он сам оценивал публичность, своими пометками в Дневнике Герцена выделил те факты, которым следует придать публичность, выставить на общественное обсуждение. Сам страстно обличавший полицейский произвол, постоянно клеймивший царское самодержавие, Короленко, автор «Бытового явления», «Сорочинской трагедии» и множества других пламенных публицистических статей, подчеркивает у Герцена слова о том, как в России «судят исключительно судами и инквизиторскими порядками не токмо политических преступников, но людей неосторожных, авторов эпиграммы или остроты за чашей вина» [2, т. 2, с. 293].

Внимание Короленко привлек и рассказ Герцена об истязаниях арестантов в Соловецком монастыре. На полях Дневника Короленко написал: «Соловки» и поставил особый двойной крест, означающий большой интерес отмеченного материала (9 апреля 1844 г.). Специально выделено на полях словом «Пытки» описание Герценом пыток 3 апреля 1844 года [2, т. 2, с. 348].

С вопросом о публичности связана и такая подчеркнутая Короленко мысль герценовского Дневника: «Мелкие чиновники — не худшее сословие в России, пора перестать исключительную стрельбу по мзленьким взяточникам, довольно ругали титулярных советников и канцелярских, пора иронию возвести в чин» [2, т. 2, с. 343]. «Возвести в чин» иронию, придать общественному осуждению не мелких чиновников, а государственные порядки России — эта мысль Герцена, несомненно, разделяется Короленко.

Характер общественных взглядов Короленко предопределяет его отношение к записям Герцена, свидетельствующим о неразрывности социальных и нравственных проблем. Двойным крестом, как очень важный, отметил Короленко вывод Герцена: «Высшая честность языка не токмо бежит лжи, но тех неопределенных, полузакрытых выражений, которые как будто скрывают вовсе не то, что ими выражается» [2, т. 2, с. 374]. Эта «высшая честность», по Герцену, «стремится вперед высказать, как понимает и предупреждает неистинное толкование» [2, т. 2, с. 374]. С позиций «высшей честности» беспощадно осудил Герцен представителей реакции, скатывающихся до службы у жандармов. Короленко подчеркнул два приведенные Герценом подобные факты. Добровольными помощниками жандармов назвал Герцен славянофилов «Москвитянина» за выступление против Т. Н. Грановского [2, т. 2, с. 319]. Рассказав о доносе Б. М. Маркевича на О. И. Сенковского, Герцен заметил: «Истинно, через 10 лет закроют 3-е отделение собственной канцелярии, потому что оно, а равно и шпионы будут не нужны, донос будет обыкновенное дело, знак преданности отечеству и государю» [2, т. 2, с. 331].

Герцена волнует и отношение к славянофилам. Короленко обращает внимание на отражение в Дневнике тревоги по поводу его положения между славянофилами и западниками. О славянофилах Герцен пишет: «Как с ними ни лады в некоторых вопросах — остается страшный овраг, делящий и непереходимый». И о себе: «Странное положение мое <...> в славянском вопросе: перед ними я человек Запада, перед их врагами — человек Востока. Из этого следует, что для нашего времени эти односторонние определения не годятся» [2, т. 2, с. 354].

Впоследствии в «Былом и думах» Герцен четко определил свое отношение к славянофилам, подчеркнув это даже названием посвященной им главы — «Не наши».

Страницы герценовского Дневника, на которых описана его семейная жизнь, почти не привлекли внимания Короленко. Он обращался к ним лишь тогда, когда видел в личных отношениях возможность для постановки общих социально-нравственных проблем.

Так, Короленко обратил внимание на замечание Герцена «Наказание идет рядом с проступком, оно есть одно из естественных последствий», вызванное размышлениями Герцена о

его вине перед женой [2, т. 2, с. 222]. Такой же характер общего социально-нравственного вывода из анализа своих отношений с женой носит размышление Герцена о природе и сущности эгоизма, заинтересовавшее Короленко.

Из многочисленных записей, посвященных Наталье Александровне, Короленко подчеркивает лишь одну, содержащую анализ психологического типа, к которому относилась жена Герцена: «Высокая, святая женщина! Я не встречал человека, в котором бы благороднее, чище и глубже был взгляд. Но она беспрерывно себя разлагает, поддерживая себя беспрерывно в восторженном состоянии. Ей нравится эта полнота жизни, но тело ее, болезненное и слабое, не может вынести яркого огня, которым пылает ум и сердце» [2, т. 2, с. 272].

Таким образом, Короленко отметил в Дневнике Герцена лишь то, что нашло отражение в «Былом и думах» и что было перенесено туда либо дословно, например, без изменений включенное в 28-ю главу четвертой части «Былого и дум» рассуждение об отношении грядущих поколений к современникам Герцена, либо, и это было гораздо чаще, предстало в «Былом и думах» в измененном виде и отразило идейное и художественное развитие писателя.

Заинтересовавшие Короленко аспекты герценовского Дневника по существу выражают главную новаторскую особенность «Былого и дум». Все они послужили одновременно и тем остовом, на котором строилась и «История моего современника». Пометки Короленко свидетельствуют о том, что он подходил к герценовскому Дневнику как к материалу для создания произведения нового жанра, воспроизводящего историю общественной мысли на основе невыдуманых переживаний передового современника определенной исторической эпохи.

В то же время заметки Короленко позволяют увидеть и своеобразие короленковского критерия отбора жизненного материала. Отсутствие интереса к страницам, отразившим начало будущей семейной драмы Герцена, скажется в том, что в «Истории моего современника», в отличие от «Былого и дум», такие стороны жизни героя, как любовь и семья, займут очень скромное место.

Изучение пометок Короленко в совокупности с данными, полученными при сопоставлении структур «Былого и дум» и «Истории моего современника», может оказаться весьма полезным при решении вопроса о судьбах мемуарно-автобиографического жанра в русской литературе второй половины XIX—начала XX века.

Л и т е р а т у р а

1. Бялый Г. А. В. Г. Короленко. М.—Л., Гослитиздат, 1949.

2. Герцен А. И. Собр. соч. В 30-ти т. М., Изд-во АН СССР, 1954—1956.

3. Дерман А. Б. Работа В. Г. Короленко над «Историей моего современника». — В сб.: Звенья. М.—Л. «Academia», 1934.

4. История русской литературы XIX века (вторая половина). Под редакцией проф. С. М. Петрова. М., «Просвещение», 1974.

5. Короленко В. Г. Собр. соч. В 10-ти т. М., Гослитиздат, 1954—1956.

6. Сокрутенко Е. Е. Русская литература XIX века. К., «Радянська школа», 1935.

7. Сочинения А. И. Герцена с предисловием. Т. I. Цевник. Дилетантизм в науке. Буддизм в науке. Genève—Bale—Lyon, 1875. Фонды Полтавского литературно-мемориального музея. А-1 № 1067.

8. Фабианская В. А. А. С. Пушкин в кругу литературных и общественных интересов В. Г. Короленко. — В сб.: Вопросы русской литературы Вып. 1 (23). Львов, «Вища школа», Изд-во при Львов. ун-те, 1974.

*Кафедра русской литературы
Харьковского пединститута*

С. Г. Борзенко

Тургенев и природа

(Философские мотивы в письмах И. С. Тургенева)

Природа, вызывавшая у Тургенева сложную, противоречивую гамму чувств — как возвышенных, светлых, так и тяжелых, беспокойных — занимала особое место в мировоззрении и творчестве писателя.

Тема природы в мировоззрении и творчестве Тургенева привлекала внимание как дореволюционных, так и советских литературоведов.

В дореволюционном литературоведении сложилось довольно устойчивое представление, что мировоззренческим лейтмотивом в творчестве Тургенева вообще, а во взглядах на природу — в особенности, является пессимизм, «отчаяние и скорбь» [6, с. 58]. Пожалуй, наиболее последовательно и четко эта мысль выражена Н. К. Гудзием [5, с. 160—167], который утверждал, что уже в первых произведениях писателя заложена «вся программа, исходный пункт горьких раздумий, которые не покинут Тургенева никогда» [5, с. 162].

В чем же суть этих «горьких раздумий»? Смертен человек. Бессмертна, но жестока и равнодушна, слепа и властна природа. Отсюда — роковой разлад между человеком и природой, враждебное отношение к ней, припигающей и гнетущей человека. «Чувство страха и невыразимой грусти — вот те ощущения, которые овладевают душой человека, когда он вплотную подходит к природе, остается с ней с глазу на глаз», — пишет Н. К. Гудзий, суммируя свое толкование взглядов Тургенева